

**ЧЕХОВСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

О ЧЕХОВЕ

**■ ■ СБОРНИКЪ ■ ■
ВОСПОМИНАНИЙ**

Arizona

Texas

Москва, 1910.

Т-во „Печатня С. П. Яковлева“, Петровка, Салтыковскій пер., домъ Т-ва, № 9.

А. П. читаетъ „Чайку“ артистамъ Московскаго
Художественнаго театра.

Исторія перваго представленія „Чайки“

на сценѣ Александринскаго театра 17 октября 1896 г.

Въ газетныхъ фельетонахъ, въ журнальныхъ статьяхъ, въ рецензіяхъ о пьесахъ А. П. Чехова, въ мелкихъ репортерскихъ замѣткахъ о театрѣ, въ рѣчахъ ораторовъ на театральныя темы, на актерскихъ и режиссерскихъ съѣздахъ, на публичныхъ лекціяхъ и въ частныхъ спорахъ актеровъ, литераторовъ и публики, словомъ—гдѣ только зайдетъ рѣчь о пьесѣ А. П. Чехова «Чайка»—всюду повторяется въ разныхъ вариантахъ ходячее мнѣніе о провалѣ пьесы въ Александринскомъ театрѣ.

«Неимѣвшая никакого успѣха пьеса «Чайка» на казенномъ театрѣ»... «Непонятый артистами Алексан-

дринскаго театра, А. П. Чеховъ возродился изъ пепла, когда»... «Провалившіе «Чайку» артисты казенной сцены» и т. д. и т. п. безъ конца... читаю я въ газетахъ и слышу изъ устъ ораторовъ вотъ уже болѣе десяти лѣтъ... На эту тему исписано множество бумаги, наговорено безконечное количество рѣчей. Выказано не мало умныхъ и вздорныхъ соображеній и предположеній. Разобрано, что называется, по косточкамъ,—какъ, что и почему?

Я не хочу вступать въ споръ, не хочу опровергать ходячія мнѣнія о «провалѣ» пьесы «Чайка» на первомъ представленіи въ Александринскомъ театрѣ... Я хочу правдиво рассказать исторію первой постановки пьесы «Чайка» въ Петербургѣ.

Я думаю, что мой рассказъ внесетъ лучъ свѣта въ это дѣло и представитъ хотя нѣкоторый интересъ.

Лѣтомъ 1896 года я былъ назначенъ главнымъ режиссеромъ драматической труппы петербургскихъ Императорскихъ театровъ.

Задавшись цѣлью измѣнить кореннымъ образомъ характеръ репертуара, я обратился ко многимъ выдающимся русскимъ авторамъ, и въ первую голову къ Ант. Пав. Чехову, съ просьбой дать свои пьесы для постановки на Александринской сценѣ.

Помнится, въ августѣ я получилъ отъ Ант. Пав. письмо, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ, что у него есть пьеса и что онъ охотно отдастъ ее на Императорскую сцену. Меня несказанно обрадовало это извѣстіе. Я съ согласія директора театровъ И. А. Всеволожскаго включилъ пьесу въ репертуаръ предстоящаго сезона. Извѣстіе о постановкѣ новой пьесы Чехова вызвало живѣйшій интересъ въ труппѣ. В. Н. Давыдовъ, М. Г. Савина, М. И. Писаревъ, Н. Θ. Сазоновъ, В. Ф. Коммиссаржевская, С. Б. Аполлонскій съ нетерпѣніемъ ждали чтенія пьесы.

У Антона Павловича въ труппѣ было много друзей и горячихъ поклонниковъ. У всѣхъ въ памяти была жива постановка его пьесы «Ивановъ». Г-жи Савина,

дринскаго театра, А. П. Чеховъ возродился изъ пепла, когда»... «Провалившіе «Чайку» артисты казенной сцены» и т. д. и т. п. безъ конца... читаю я въ газетахъ и слышу изъ устъ ораторовъ вотъ уже болѣе десяти лѣтъ... На эту тему исписано множество бумаги, наговорено безконечное количество рѣчей. Выказано не мало умныхъ и вздорныхъ соображеній и предположеній. Разобрано, что называется, по косточкамъ,—какъ, что и почему?

Я не хочу вступать въ споръ, не хочу опровергать ходячія мнѣнія о «провалѣ» пьесы «Чайка» на первомъ представленіи въ Александринскомъ театрѣ... Я хочу правдиво рассказать исторію первой постановки пьесы «Чайка» въ Петербургѣ.

Я думаю, что мой рассказъ внесетъ лучъ свѣта въ это дѣло и представитъ хотя нѣкоторый интересъ.

Лѣтомъ 1896 года я былъ назначенъ главнымъ режиссеромъ драматической труппы петербургскихъ Императорскихъ театровъ.

Задавшись цѣлью измѣнить кореннымъ образомъ характеръ репертуара, я обратился ко многимъ выдающимся русскимъ авторамъ, и въ первую голову къ Ант. Пав. Чехову, съ просьбой дать свои пьесы для постановки на Александринской сценѣ.

Помнится, въ августѣ я получилъ отъ Ант. Пав. письмо, въ которомъ онъ сообщилъ мнѣ, что у него есть пьеса и что онъ охотно отдастъ ее на Императорскую сцену. Меня несказанно обрадовало это извѣстіе. Я съ согласія директора театровъ И. А. Всеволожскаго включилъ пьесу въ репертуаръ предстоящаго сезона. Извѣстіе о постановкѣ новой пьесы Чехова вызвало живѣйшій интересъ въ труппѣ. В. Н. Давыдовъ, М. Г. Савина, М. И. Писаревъ, Н. Ѳ. Сазоновъ, В. Ф. Коммиссаржевская, С. Б. Аполлонскій съ нетерпѣніемъ ждали чтенія пьесы.

У Антона Павловича въ труппѣ было много друзей и горячихъ поклонниковъ. У всѣхъ въ памяти была жива постановка его пьесы «Ивановъ». Г-жи Савина,

Стрепетова, Абаринова, Стрѣльская; гг. Давыдовъ, Свободинъ, Далматовъ, Варламовъ, Арди съ необычайнымъ художественнымъ подъемомъ и съ чуднымъ ансамблемъ сыграли «Иванова». Пьеса выдержала массу представлений и доставила автору и артистамъ выдающійся успѣхъ.

Понятно, почему труппа съ нетерпѣніемъ ждала постановки новой пьесы Ант. Павл. Чехова.

Въ срединѣ сентября я получилъ въ отискахъ «Чайку».

Помню, какъ сейчасъ, то впечатлѣніе, какое произвела на меня пьеса въ чтеніи.

Написанная въ мягкихъ, акварельныхъ тонахъ, проникнутая задумчивой грустью, жизненная до мельчайшихъ подробностей, правдивая и тонкая по психологіи дѣйствующихъ лицъ, «Чайка» напоминала мнѣ, по своему колориту и настроенію, пьесы И. С. Тургенева, и въ особенности «Мѣсяць въ деревнѣ». Хотя она не имѣла ни по содержанію, ни по характеру дѣйствующихъ лицъ, ни по развитію драматической коллизіи ничего общаго съ Тургеневской пьесой.

Будничность содержанія, отсутствіе сильныхъ драматическихъ моментовъ, обывательская сѣренькая, деревенская жизнь, сѣренькіе русскіе, расплывчатые характеры, безвольные, засосанные средой люди... И среди нихъ чудная, даровитая дѣвушка, — Нина Зарѣчная, съ мутящейся душой, жаждущая свѣта, простора, любви, ищущая идеала, выхода, шири для своего таланта...

Вмѣсто любви Нина Зарѣчная нашла пошлость, вмѣсто служенія высокому искусству — грязную сцену провинціального театра съ полупьяными актерами, съ грубой, неразвитой публикой, видящей въ актрисѣ доступную женщину...

— «Я Чайка!» — страдальческимъ голосомъ говоритъ Нина въ послѣднемъ актѣ Треплеву, придя къ нему въ непогожую ночь, и съ разбитымъ сердцемъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, уходитъ въ темноту осиротѣлаго,

осенняго сада, съ голыми, лишенными листьевъ, деревьями...

Да, это правдивая, глубокая, сильная и такъ просто, такъ необыкновенно просто, безъ всякихъ фальшивыхъ выкриковъ и театральныхъ эффектовъ, написанная рукой большого таланта, драма...

Таково было мое впечатлѣніе при первомъ знакомствѣ съ «Чайкой».

И я прекрасно понималъ, что воплощеніе на сценѣ этой пьесы представляетъ задачу весьма большой трудности. Съ робостью я приступилъ къ инсценировкѣ пьесы.

Очень долго подробно мы обсуждали съ Александромъ Степановичемъ Яновымъ, художникомъ Александринскаго театра, планъ декораций, всѣ детали постановки. Яновъ прекрасно чувствовалъ русскій бытъ, русскую природу, любилъ ее и былъ увлеченъ пьесой Чехова.

Съ особенной тщательностью онъ разработалъ макеты декораций, по поводу каждой мелочи приходя совѣтоваться со мной.

Я предполагалъ поставить «Чайку» не ранѣе середины ноября, но дѣло повернулось иначе.

Елизавета Ивановна Левкѣева, юбилейный спектакль которой былъ назначенъ на 17 октября, просила меня отдать пьесу Ант. Пав. ей на бенефисъ. Отказать Елизаветѣ Ивановнѣ я не могъ, хотя предупредилъ ее, что для нея нѣтъ роли въ пьесѣ Чехова и что врядъ ли мы успѣемъ къ 17 октября поставить пьесу... Мнѣ не хотѣлось ставить пьесу на-спѣхъ, кое-какъ, съ шести-семи репетицій... Но Левкѣева такъ облюбовала «Чайку», такъ лелѣяла мысль имѣть въ бенефисъ пьесу Чехова, что и слушать ничего не хотѣла.

Она сама побывала въ мастерской у Янова, взяла съ него слово, что онъ напишетъ декорации къ сроку, обратилась съ просьбою къ Антону Павловичу дать ей «Чайку» въ бенефисъ.

Она ворвалась ко мнѣ въ кабинетъ, какъ буря, взволнованная и радостная, получивъ отъ Чехова разрѣшеніе на постановку «Чайки».

7 октября было первое представленіе пьесы «Пашенька», а 17-го юбилейный бенефисъ Е. И. Левкѣевой за 25 лѣтъ службы на Императорской сценѣ.

«Чайку» надо было поставить въ девять дней. Срокъ болѣе чѣмъ короткій! Вся моя надежда была на то, что опытные талантливые артисты, дружно, съ любовью принявшись за работу, въ концѣ концовъ выйдутъ побѣдителями изъ труднаго положенія.

Я написалъ Ант. Пав. письмо, прося его намѣтить тѣхъ артистовъ, которыхъ онъ хотѣлъ бы занять въ своей пьесѣ. Для себя я уже составилъ распредѣленіе ролей въ «Чайкѣ». Скоро я получилъ письмо отъ А. С. Суворина. Онъ писалъ, что Ант. Пав. просилъ его назначить роли совмѣстно со мной и прилагалъ распредѣленіе ролей.

Въ общемъ наши назначенія ролей совпадали, но роль Нины Зарѣчной Ант. Пав. назначилъ М. Г. Савиной, а я считалъ болѣе подходящей для этой роли В. Ф. Коммиссаржевскую.

М. Г. Савина, мнѣ казалось, могла бы создать изумительный образъ Аркадиной. (М. Г. Савина и доказала это, сыгравъ съ неподражаемымъ совершенствомъ Аркадину при возобновленіи «Чайки» въ 1906 году).

Согласно желанію Ант. Пав., я распредѣлилъ роли совмѣстно съ А. С. Суворинымъ и роль Нины отдалъ М. Г. Савиной.

Роли были распредѣлены такъ: Аркадина—Дюжинова 1-я, Треплевъ—Аполлонскій, Соринъ,—Давыдовъ, Нина Зарѣчная—Савина, Шамраевъ—Варламовъ, Шамраева—Абаринаова, Маша—Читау, Тригоринъ—Сазоновъ, Дорнъ—Писаревъ, Медвѣденко—Панчинъ, Яковъ—Локтевъ, поварь—Тропольскій, горничная—Нальханова.

Медлить было некогда. Восьмого октября была назначена считка пьесы «Чайка».

Несмотря на то, что первые артисты были уже знакомы съ пьесой, всё съ напряженнымъ вниманіемъ слушали «Чайку» и досадовали, что ее надо играть на-спѣхъ.

На первую репетицію М. Г. Савина не пріѣхала.

«Прочтя еще разъ ночью пьесу, перечитавъ нѣсколько разъ роль Нины, я рѣшила, что не могу играть эту роль»... писала Марія Гавриловна. «Мнѣ очень неприятно огорчать отказомъ отъ роли автора и бенефициантку, и, если это нужно, я готова сыграть Машу».

Но Маша была уже отдана Читау.

Я сейчасъ же извѣстилъ объ отказѣ М. Г. Савиной А. С. Суворина и предложилъ передать роль Нины—Коммиссаржевской. Суворинъ согласился.

Первая репетиція, къ великой моей досадѣ, прошла кое-какъ.

Какая репетиція безъ главнаго дѣйствующаго лица!

Съ тревогой въ душѣ я, послѣ репетиціи, поѣхалъ къ Коммиссаржевской просить ее взять на себя роль Нины.

Артисты народъ самолюбивый и очень не любятъ, когда имъ даютъ роль послѣ отказа отъ нея другого артиста.

В. Ф. Коммиссаржевская просила прочесть пьесу и вечеромъ обѣщала дать отвѣтъ.

Требованіе ея было вполне законно; но волновался я страшно...

Вдругъ откажется!

Но В. Ф. Коммиссаржевской очень понравилась и пьеса и роль Нины, и она съ охотой согласилась ее играть.

Вторая репетиція прошла съ тетрадками въ рукахъ актеровъ, въ «разборкѣ мѣсть». Одинъ только Н. Ф. Сазоновъ репетировалъ, зная наизусть роль Тригорина.

Я Богомъ молилъ актеровъ, въ виду малаго количества репетицій, поскорѣй выучить роли. Необходимо было установить основной тонъ пьесы и затѣмъ при-

ступить къ детальной разработкѣ характеровъ и об-
щихъ сценъ.

Надо отдать справедливость артистамъ,—они всё работали съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, съ тѣмъ художественнымъ пыломъ, который охватываетъ актера, когда онъ чувствуетъ въ авторѣ истиннаго художника.

Репетиціи затягивались съ 11-ти часовъ утра до пяти-шести вечера. Мы по нѣсколько разъ повторяли одну и ту же сцену, передѣлывали планировку, добивались вѣрныхъ тоновъ, соотвѣтствующихъ пьесѣ настроеній. Актеры волновались, спорили между собой и со мной, горячились, нервничали...

В. Ф. Коммиссаржевская волновалась, конечно, больше всѣхъ.

Чѣмъ больше она репетировала, тѣмъ сильнѣе ей нравилась роль. Она очень скоро нашла вѣрный тонъ для Нины Зарѣчной и уже съ третьей репетиціи жила на сценѣ.

В. Н. Давыдовъ, репетировавшій съ изумительной тщательностью, виртуозно намѣчалъ Сорина. Н. Ф. Сазонову не давался Тригоринъ, и онъ не разъ на репетиціяхъ впадалъ въ отчаяніе... Р. Б. Аполлонскій тоже не сразу нашелъ тонъ для декадента-неврастеника Треплева. Умная А. Дюжикова правильно рисовала очертанія характера Аркадиной, этой самодовольной эгоистки, нелишенной чисто актерской, поверхностной сентиментальности. Переигрывала М. М. Читау Машу, стараясь сдѣлать ее характерной. К. А. Варламовъ, какъ сказочная птица Сиринъ, сочно и ярко пѣлъ Шамраева. Красиво, хотя сухогато намѣчалъ Писаревъ Дорна и въ достаточной степени тупой, чувственно-любящей была А. И. Абаринова. Совсѣмъ не удавалась роль Медвѣденко—А. С. Панчину.

Я хорошо чувствовалъ, какъ трудно большинству артистовъ Александринскаго театра, привыкшимъ за послѣдніе годы играть преимущественно репертуаръ Викт. Крылова и вообще легкую комедію, близкую

фарсу, исполнять жизненную, тонкую, полную полутоновъ и настроеній пьесу Ант. Пав. Чехова. Но я видалъ, съ какимъ удовольствіемъ, съ какой любовью они репетировали, стараясь передать характеръ и колоритъ произведенія Чехова.

На четвертую репетицію пріѣхаль въ театръ Антонъ Павловичъ Чеховъ.

Ант. Павл. Чеховъ, аккуратно приходя каждый день въ театръ съ И. Н. Потапенко, принималъ живое, дѣятельное участіе въ репетиціяхъ. Онъ, видимо, очень волновался, хотя и не хотѣлъ этого показать.

То и дѣло онъ вставалъ съ своего кресла у суфлерской будки, уходилъ за кулисы и бесѣдовалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ артистовъ.

Чехова коробилъ всякій фальшивый звукъ актера, затрепанная, казенная интонація. Несмотря на свою стыдливую деликатность, онъ нерѣдко останавливался среди сцены актеровъ и объяснялъ имъ значеніе той или иной фразы, толковалъ характеры, какъ они ему представляются, и все время твердилъ:

— Главное, голубчики, не надо театральности... Просто все надо... Совсѣмъ просто... Они всѣ простые, заурядные люди»...

Когда передъ сценой, сколоченной изъ досокъ въ саду Сорнина, появились двѣ актрисы, изображающія тѣни, Ант. Павл. замахалъ руками:

— Зачѣмъ?.. Зачѣмъ эти дѣвы!.. Понимаете, тамъ ничего этого не было... Просто, два плотника, вотъ которые строили сцену, завернулись въ простыни и стали по бокамъ. Вотъ и все!.. Вотъ и тѣни!

Я боялся, что появленіе изъ-за кустовъ закутанныхъ въ простыни плотниковъ вызоветъ смѣхъ публики и нарушитъ настроеніе передъ монологомъ Нины Зарѣчной, и уговорилъ оставить актрисъ.

Антонъ Павловичъ нехотя согласился.

Къ В. Ө. Коммиссаржевской Чеховъ вначалѣ относился недовѣрчиво и очень огорчался отказомъ М. Г. Савиной.

— Талантъ Савиной я знаю... А Коммиссаржевская для меня величина неизвѣстная...—съ грустной улыбкой говорилъ мнѣ Антонъ Павловичъ.—Боюсь я...

Но уже послѣ первой репетиціи Ант. Павл. видимо, успокоился за роль Нины и, прощаясь со мной, на мой вопросъ:—какъ ему нравится Нина—Коммиссаржевская? отвѣтилъ:—«Ничего... Она сыграетъ»...

Присутствіе на репетиціяхъ Антона Павловича ожиляло, поднимало актеровъ. Работа шла нервно, лихорадочно. И чѣмъ дальше подвигались репетиціи, тѣмъ спокойнѣй становился Антонъ Павловичъ.

Помню, мы вышли вмѣстѣ съ Ант. Павл. и Игн. Н. Потапенко изъ Михайловскаго театра, гдѣ репетировали «Чайку».

Коммиссаржевская уже овладѣла ролью Нины, и въ этотъ разъ была, что называется, въ ударѣ.

— Ну, если она такъ сыграетъ на спектаклѣ, будетъ очень хорошо!..—сказалъ, пощипывая бородку, Антонъ Павловичъ.—Лучше не надо!..

Игнатій Николаевичъ Потапенко былъ въ восторгѣ отъ Коммиссаржевской въ роли Нины.

Мало-по-малу артисты достигли общаго тона. Получались должныя настроенія, уже чувствовался ансамбль... Пьеса шла въ мягкихъ, жизненныхъ интонаціяхъ. В. Н. Давыдовъ, В. Ѳ. Коммиссаржевская давали тонъ всей пьесѣ. Р. Б. Аполлонскій игралъ очень нервно, но грубовато. Н. Ф. Сазоновъ не далъ Тригорина, котораго хотѣлъ видѣть Чеховъ. Онъ былъ слишкомъ опредѣлененъ, не гибокъ, мало интеллигентенъ, если можно такъ выразиться. Суха и некрасочна, хотя вѣрна намѣченному рисунку, была Дюжикова. Остальные репетировали въ мягкихъ тонахъ, довольно выдержано. И только К. А. Варламовъ своей яркой, сочной игрой вылѣзалъ изъ рамы.

Все, что можно было сдѣлать въ неимовѣрно короткій срокъ, въ восемь репетицій, для такой тонкой пьесы полутоновъ, какъ «Чайка»,—все было сдѣлано.

Генеральная репетиція прошла гладко съ ансам-

блемъ, но вяловато. Чувствовалось, что у актеровъ опустились нервы, не было настроенія, огня...

Антону Павловичу понравились декорация, обстановка, гримы, но онъ больше, чѣмъ кто-нибудь, чувствовалъ, что пьеса идетъ безъ подъема, безъ настроенія...

Въ зрительномъ залѣ на генеральной репетиціи сидѣла почти вся драматическая труппа, театральные чиновники и ихъ родственники...

Антонъ Павловичъ въ одномъ изъ антрактовъ обвелъ глазами сидящую публику и какъ бы про себя спокойно проговорилъ:

— Пьеса не понравится... Она не захватываетъ....

— Что за пустяки!.. Почему вы такъ думаете?..— протестовалъ я.

— А вы посмотрите на выраженіе лицъ у публики... Она скучаетъ... Имъ неинтересно...

Я, конечно, сталъ разувѣрять Антона Павловича, но въ душѣ самъ боялся за успѣхъ пьесы.

Не пойметъ публика всѣхъ этихъ тонкихъ настроеній, этой глубокой, некрикливой, жизненной драмы...— думалъ я. Другое, совсѣмъ другое привыкли видѣть стѣны Александринскаго театра за послѣдніе годы.

Въ предыдущемъ сезонѣ здѣсь жужжала «Первая муха», рѣзвилась «Вава», смѣшила публику неподобная игра М. Г. Савиной въ «Генеральшѣ Матренѣ» и В. Н. Давыдова въ нѣмецкой пьесѣ «Сверхъ комплекта». «Чайка» залетѣла сюда, какъ первая ласточка новой весны, и потому-то мнѣ стало страшно за нее.

Е. И. Левкѣева, талантливая комическая актриса, съ легкой склонностью къ шаржу, была одной изъ любимицъ публики Александринскаго театра. У нея была своя, особенная публика—средній обыватель, полунинтеллигентъ - чиновникъ, богатый гостиннодворецъ, домовладѣлецъ, приказчикъ. Словомъ, та публика, которая приходитъ въ театръ посмѣяться, развлечься, съ пріятностью провести время.

Съ верху до низу набила эта публика Але-

ксандринскій театр въ день 25-тилѣтняго юбилея Е. И. Левкѣевой, несмотря на весьма повышенныя цѣны. Петербургскій «высокій интеллигентъ» вообще не жаловалъ въ то время Александринскаго театра. Многіе выдающіеся писатели по цѣлымъ годамъ тамъ не бывали, а итти на юбилей Е. И. Левкѣевой, по высокимъ цѣнамъ, доставать загодя билеты, записываться, — нѣтъ, не стоитъ игра свѣчь!..

Интеллигентная публика, за весьма малымъ исключеніемъ, отсутствовала. Въ театрѣ сидѣлъ зритель, пришедшій на бенефисъ комической актрисы повеселиться, посмѣяться, пріятно провести вечерокъ. И среди этого благодушнаго обывателя торчалъ кое-гдѣ желчно настроенный, угрюмый, вѣчно всемъ недовольный, скучающій газетный рецензентъ и два-три литератора, близкіе друзья автора.

Таковъ былъ зрительный залъ на первомъ представленіи чеховской «Чайки» въ Александринскомъ театрѣ, 17-го октября 1896 года.

Открыли занавѣсъ.

Въ первомъ же явленіи, когда Маша предлагаетъ Медвѣденко понюхать табаку и говорить: «Одолжайтесь!» въ зрительномъ залѣ раздался хохоть...

Когда Сорнина—Давыдова вывели на сцену въ креслѣ (на чемъ настаивалъ Антонъ Павловичъ), публика покатила съ смѣху. Кое-кто зашикалъ, чтобы унять неумѣстный смѣхъ. Но «весело настроенную» публику было трудно остановить. Она придралась ко всякому поводу, чтобы посмѣяться... Фразы Сорнина, сказанныя безъ всякаго подчеркиванія, въ родѣ: «У тебя маленькій голосъ, но противный», вызвали хохоть. Выходъ Варламова—Шамраева съ фразой—«Въ 1873 году», — хохоть... Появляются изъ-за куста тѣни, — необыкновенное веселье въ зрительномъ залѣ.

Нина—Коммиссаржевская нервно, трепетно, какъ дебютантка, начинаетъ свой монологъ:

«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени...»

Неудержимый смѣхъ публики...

Коммиссаржевская повышает голосъ, говорить проникновенно, искренно, сильно, нервно...

Заль затихаетъ. Напряженно слушаютъ. Чувствуется, что артистка захватила публику.

На вопросъ Аркадиной: «Сърой пахнетъ! Это такъ нужно?..» снова вызываетъ гомерическій хохоть...

Лучшія мѣста перваго дѣйствія пропали, непонятныя «веселой публикой».

Конецъ акта прошелъ благополучно, и когда открылся занавѣсъ, раздались аплодисменты.

Актеры вышли на вызовъ.

В. Ф. Коммиссаржевская, взволнованная, со слезами на глазахъ, бросилась ко мнѣ со словами:

— Что же это за ужасъ!.. Я провалила роль... Чему они смѣются?

Я успокоилъ ее, сказавъ, что она превосходно сыграла первый актъ, что если и дальше она будетъ играть съ такимъ подъемомъ, то, навѣрно, захватить публику.

Второе дѣйствіе прошло недурно.

Варламовъ въ своей сценѣ съ Аркадиной снова вызвалъ смѣхъ всего зала и ушелъ подъ аплодисменты.

Сцена между Тригоринымъ и Ниной не произвела должнаго впечатлѣнія. Сазоновъ—Тригоринъ провелъ свою роль съ искусной актерской техникой, но мало-характерно. Въ немъ не чувствовался писатель. Его жалобы на свою писательскую долю, на ужасы его жизни, на его мученія, неразлучныя съ творчествомъ, звучали неубѣдительно. Въ нихъ не было глубины страданія, надрыва, «меланхоличности», а главное не было искренности.

Чудный по художественной простотѣ конецъ второго акта публика не оцѣнила.

Она, очевидно, ждала совсѣмъ иного, и разочаровалась.

Третій актъ доставилъ публикѣ много веселья.

Выходъ Треплева съ повязкой на головѣ—смѣшокъ въ залѣ. Аркадина дѣлаетъ перевязку Трепле-

Т. Л. Щепкина-Куперникъ, Л. Б. Яворская и А. П. Чеховъ.
Москва, 1895 г.

ву—неудержимый хохотъ. Конецъ сцены между Аркадиной и Треплевымъ, когда они начинаютъ надѣлять другъ друга такими эпитетами, какъ «Декадентъ, кievскій мѣщанинъ, скряга, оборвышъ!»—веселятъ публику.

Варламовъ—Шамраевъ въ своемъ монологѣ объ актерѣ Измайловѣ и его оговоркѣ: «Мы попали въ запендю...» снова вызываетъ смѣхъ. И послѣдняя, финальная сцена третьяго акта пропадаетъ.

Шумъ въ залѣ. Вызовы автора и актеровъ... Шиканье...

Ко мнѣ въ кабинетъ, блѣдный, съ растерянной, застывшей улыбкой, входитъ Ант. Павловичъ...

— Авторъ провалился...—говоритъ онъ не своимъ голосомъ...

— И почему они все смѣются, идиоты!..—съ раздраженіемъ замѣчаетъ Н. Ф. Сазоновъ.

Меня вызываютъ на сцену.

В. Ф. Коммиссаржевская вся дрожитъ въ нервномъ припадкѣ.

— Я боюсь, Евтихій Павловичъ, повторять монологъ перваго акта... Они опять будутъ смѣяться... Я уйду со сцены... Это пытка... Я не могу...

— Ничего, Вѣра Федоровна, обойдется...—успокаиваю я...—У васъ до монолога трогательная сцена... Только вы не завертывайтесь въ простыню... Публика такая, что одно рискованное движеніе—и смѣхъ...

— Да, да... Я не буду завертываться въ простыню... Вы скажите Антону Павловичу...

— Хорошо, хорошо... Я скажу... Начинаемъ... Давайте занавѣсъ.

Стою въ темнотѣ за кулисами и съ нервнымъ напряженіемъ слушаю, что-то будетъ.

Коммиссаржевская ведетъ сцену превосходно. Съ необычайно нервнымъ настроеніемъ. Тонко, проникновенно и до слезъ трогательно. Р. Б. Аполлонскій, видимо, зараженный ея настроеніемъ, играетъ съ подъемомъ.

Съ замираніемъ сердца, жду я монолога Нины.

«Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, гуси, пауки»...—начинаетъ Коммиссаржевская.

Въ залѣ гробовая тишина. Ни одного смѣшка.

Мимо меня въ темнотѣ проходитъ Антонъ Павловичъ. Останавливается на минутку, прислушивается. Пожимаетъ мнѣ руку и неслышно отходить.

Коммиссаржевскую провожаютъ со сцены аплодисментами.

По окончаніи пьесы, вызываютъ автора и артистовъ.

Но Антона Павловича уже нѣтъ въ театрѣ. Актеры выходятъ одни.

И до сего дня я не могу безъ волненія вспоминать этого знаменательнаго вечера перваго представленія «Чайки».

Вижу блѣдное лицо Ант. Павл. Чехова, съ растерянной, застывшей улыбкой, слышу тусклый, хриплый голосъ, которымъ онъ произнесъ фразу: «Авторъ провалился».

На другой день утромъ ко мнѣ въ театръ приѣхалъ А. С. Суворинъ, разстроенный, огорченный за Чехова до болѣзни.

Онъ сообщилъ мнѣ, что Ант. Павл. съ утреннимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Москву, и просилъ его совмѣстно со мной сократить пьесу и выбросить кое-какія ремарки.

21-го октября «Чайка» шла во второй разъ, со сдѣланными А. С. Суворинымъ и мной небольшими купюрами и измѣненными ремарками.

Театръ былъ переполненъ. Публика (не бенефисная) съ полнымъ вниманіемъ слушала пьесу.

«Чайка» имѣла выдающійся успѣхъ, но... было поздно.

Всѣ газеты оповѣстили уже о провалѣ «Чайки» на первомъ представленіи въ Александринскомъ театрѣ.

Пьеса прошла пять разъ при полныхъ сборахъ и при неослабномъ успѣхѣ. Она была снята съ репертуара дирекціей театровъ, несмотря на мой энергичный протестъ.